

УДК 930.85.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ И
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ ВНЕДРЕНИЯ
«РУССКОГО ЭЛЕМЕНТА» НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.****Дзалаева Камила Руслановна**

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН 362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, проспект Мира, 10

Тел. 89188281988

Аннотация

Статья посвящена проблеме преобразований в области социокультурной ситуации в северокавказском обществе в период второй половины XIX – начала XX вв. В центре внимания оказывается трансформация социально-культурных связей и возникновение совершенно нового для Северного Кавказа типа коммуникативного пространства, обусловленного особенностями переселенческой политикой Российской империи в эпоху пореформенной модернизации.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российская империя, народы Северного Кавказа, переселенцы, социально-культурные связи, коммуникативное пространство, трансформация.

**TRANSFORMATION OF SOCIAL AND CULTURAL RELATIONS AND
FORMATION OF A NEW COMMUNICATIVE SPACE IN THE NORTH
CAUCASUS IN THE CONTEXT OF THE POLICY OF INTRODUCTION OF
THE "RUSSIAN ELEMENT" ON THE OUTSKIRTS OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES.****Kamila R. Dzalaeva**

candidate of historical sciences, senior researcher at the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after IN AND. Abaev - branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Scientific Center Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

362040, RSO-Alania, Vladikavkaz, prospect Mira, 10

Tel. 89188281988

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of transformations in the field of socio-cultural situation in the North Caucasian society during the second half of the XIX – early XX centuries. The focus is on the transformation of socio-cultural relations and the emergence of a completely new type of communication space for the North Caucasus, due to the features of the resettlement policy of the Russian Empire in the era of post-reform modernization.

Keywords: North Caucasus, Russian Empire, peoples of the North Caucasus, migrants, social and cultural relations, communicative space, transformation

Современный Северный Кавказ, как и два века назад, не утрачивает своей территориальной стратегической значимости. Являясь южным рубежом России, он требует пристального внимания. Не секрет, что, как и в прежние годы, к нему испытывают интерес различные политические силы зарубежья. От стабильности и благополучия в данном регионе во многом зависит стабильность и благополучие РФ в целом. Негативный опыт 90-х годов XX века стал своеобразным уроком в отношении понимания необходимости четкой и грамотной управленческой позиции российского руководства в регионе, систематического мониторинга ситуации в обществе и выработке эффективной системы мер по сохранению авторитета Центра на местах. В связи с этим, сегодня, в условиях глобальных изменений как внутри российского государства, так и во всем мире, научные исследования Северного Кавказа не только не лишились востребованности и актуальности, но и напротив, активизировались. Особую важность имеет изучение проблемы социально-культурных коммуникаций и поиска межкультурного диалога в условиях общемировых трансформаций и быстроменяющихся условий жизнедеятельности в рамках локальных сообществ. Таким образом, предпринятое исследование может внести определенный вклад в освещение актуальных вопросов и стать некоторым подспорьем дальнейших научных изысканий в данной области.

Цель исследования – выявление особенностей и механизмов процессов социально-культурных связей и формирования коммуникативного пространства в контексте массового переселения крестьян из внутренних губерний России на Северный Кавказ в период второй половины XIX – начала XX вв.

Работа основывается на ряде архивных материалов, опубликованных источников и современных научных работ, связанных с историей утверждения российской государственности на Северном Кавказе и установлением эффективных межкультурных коммуникаций и связей в процессе взаимодействия северокавказских горцев и русских переселенцев. В основе исследования лежат системно-структурный, сравнительно-исторический и цивилизационный подходы.

Утверждение российских позиций на Северном Кавказе, последовавшее после завершения в 1864 году затянувшейся почти на полвека Кавказской войны, актуализировало процессы его дальнейшей интеграции в российское историко-культурное пространство и вовлечения местного населения в сферу новых социально-культурных отношений в рамках сложного полиэтничного и поликонфессионального российского общества. Этот период имел большую важность для самой Российской империи. Современник, участник военных событий тех лет, признавая историческую объективность расширения границ российского государства и продвижения его цивилизаторской миссии, отмечал: «Приобретение Кавказа, сопровождавшееся столь продолжительной и кровавой войной, имеет огромное значение для нашего Отечества. Русский народ, в своем естественном развитии и расширении границ, сравнительно легко достиг южного барьера, образуемого Черным морем, громадным Кавказским хребтом,

Каспийским морем и Закаспийскими пустынями. Дойдя на севере и востоке до Ледовитого и Великого океанов, а на западе до границы сильных европейских государств, мы, в силу наших исторических судеб, должны были перешагнуть этот южный барьер во что бы то ни стало и мы перешагнули его [1, с. 144] ... Покорение Кавказа поставило Россию в непосредственное соприкосновение с теми азиатскими народами, в среду которых мы должны внести наш гений, нашу культуру и нашу науку. Это крупное историческое событие в значительной степени усилило международное положение нашего отечества и увеличило его военно-политическое могущество, доставив возможность непосредственного воздействия на южных соседей для поддержания тех или иных наших интересов» [1, с. 145].

Период второй половины XIX – начала XX вв. открыли Северный Кавказ для процессов пореформенной модернизации, переживаемых Россией. Так, проведение в 1861 году крестьянской реформы, освободившей крестьян от крепостной зависимости, в скором времени спровоцировало переселение на Северный Кавказ части крестьянства, бегущего от бедности и перенаселения центральных районов России. Изначально этот процесс не был хаотичным – переселение отвечало интересам государства, было управляемым сверху и протекало в рамках выработанной правительством переселенческой политики. Поселяясь среди народов Северного Кавказа, русские переселенцы должны были реализовывать план по приобщению горцев к мирному земледелию и другим отраслям сельского хозяйства, тем самым, способствуя преодолению их обособленности от русских и взаимной междоусобной вражды [2, с. 9]. Колонизация «русским элементом» представлялась одним из стратегически важных этапов в деле государственного строительства на отдаленных окраинах империи. По состоянию на 1907 год всего на Кавказе насчитывалось порядка 89 русских поселков, часть из которых (как, например, Ермоловский, Марухо-Русский, и Пантелеймоновский Кубанской области) были перенаселены и нуждались в расселении на другие участки. Большой численностью отличался контингент «иностранцев», в разное время переселившихся на Северный Кавказ (в частности, на территорию Кубанской и Терской областей) из внутренних губерний России – до 1500000 человек по состоянию на 1907 год: «...эти выходцы из русских губерний успели развить на севере Кавказа обширное земледелие и способствовали распространению среди казачьего населения ценных культур плодоводства, виноградарства и табаководства, а равно развитию промышленных пчеловодства и скотоводства... С открытием деятельности крестьянского банка на Северном Кавказе возникло свыше 310 отдельных крестьянских товариществ, преимущественно из разряда «иностранцев», образовавших столько же самостоятельных селений на купленных землях. В этих поселках более или менее прочно осели 30000 душ обоюбого пола. За всем этим остается еще обширный контингент лиц, нуждающихся в земельном устройстве и прочном хозяйственном обеспечении» [3, с. 76].

Таким образом, заселение территорий Северного Кавказа русскими переселенцами способствовало оживлению экономической жизни региона, появлению более широких возможностей для непосредственного взаимодействия коренного и пришлого населения в процессе меновой торговли, особенно на базарах и ярмарках [4, с. 62]. Эта торговля носила обоюдный характер. Русские поселенцы были заинтересованы в приобретении у местного населения произведенных им молочных продуктов (масла, сыра), одежды (бурок, башлыков), а также сельскохозяйственных орудий (деревянных вил, лопат, сох, жердей, корыт и др.). В свою очередь, коренные жители приобретали у русских соседей фабричный текстиль (ситцы, миткаль, сарпинку) и другие фабричные изделия [5, с. 366]. Такая торговля вносила изменения в традиционные принципы ведения хозяйства и все больше вовлекала горцев в систему рыночных отношений.

Масштабный переселенческий поток, наполнивший процесс колонизации северокавказской окраины реальным смыслом, перевел его из разряда военно-политического в социокультурный и экономический [6, с. 127], что повлекло за собой уничтожение национальной замкнутости и постепенное объединение «громadных территорий в одно связанное целое» [4, с. 66].

Имевшая место дихотомия «свой-чужой», отражавшая замкнутость и самодостаточность локальных национальных культур народов Северного Кавказа, проявлявшаяся в их противопоставлении русской культуре при формировании нового коммуникативного пространства, насыщенного многообразием социально-культурных связей, как при возникновении любого глобального коммуникационного пространства как такового, подверглась существенной трансформации, задавшей вектор на добрососедские и взаимовыгодные отношения. В этом смысле под трансформацией подразумевается «направленный внутренний преобразовательный процесс, который реализуется посредством встраивания в культуру локальную чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих ее работать иным образом» [7, с. 137].

Взаимодействие с русскими поселенцами в период пореформенной модернизации второй половины XIX - начала XX вв. сыграло значимую роль в трансформации традиционных социально-культурных установок, поведенческих мотиваций и предпочтений. Изменения осуществлялись на разных уровнях и затрагивали разные сферы жизнедеятельности северокавказских народов. Часто они основывались на заимствованиях у русских соседей и наиболее наглядно проявлялись в обустройстве населенных пунктов и внешнем облике жилищ, в способах ведения хозяйства. Яркой иллюстрацией указанных изменений в традиционной повседневности Северного Кавказа является путевая записка одного из северокавказских исследователей, посетившего в 1881 году осетинское селение Христианское и решившего поделиться отрядными впечатлениями, вынесенными им из его краткого пребывания там. Так, прежде всего, автор обращает внимание на приятный внешний вид селения, на правильное устройство его широких прямых улиц, чистоту и аккуратность во всем: «...чистенькие, светлые и просторные домики селян, глядящие на улицу четырьмя и даже шестью большими окнами... просто радуют взор. За домами тянутся... прочные деревянные заборы, ограждающие широкие и просторные дворы. Нередко даже встречается хотя и пестро раскрашенное, но весьма красивое, в несколько ступеней и под зонтиком парадное крылечко... Все дома крыты черепицей (не мало и железом) местного производства, весьма прочной и красивой по форме и размерам. Мало того, под такой же крышей, в середине каждого двора, вы видите просторный амбар и нередко сарай» [8, л. 439]. Также указывается на восприимчивость сельчан к нововведениям и усовершенствованиям, которым находится множество подражателей и благодаря чему в селении имеется несколько жатвенных машин, косилок, молотилок, множество сортировок для зерна и др., что дает возможность христиановцам удовлетворять, помимо нужд собственных, нужды близлежащих селений и даже станиц. Таких примеров было не мало.

Порождая исторические реалии складывания контактных зон сближения, русская оседлость способствовала постепенному переходу от конфронтационных сценариев при установлении контактов к созидательному сотрудничеству, преодолению препятствий для интеграции и формированию российской всеобщности, что в итоге приводило к благоприятным для функционирования государства цивилизационным изменениям, межэтническим контактам на постоянной основе и утверждению принципа «единого Отечества» [9, с. 214].

Наиболее сложные социально-культурные связи формировались в рамках коммуникативного пространства городов, в котором индивид наделялся большим

набором социальных статусов, входил в большее число социальных групп и общностей, вступал во взаимодействие с большим кругом лиц, оказывался более активно вовлеченным в те или иные социокультурные процессы. Более того, разнообразие «зон контактирования» в городской среде был обусловлен ее развитой инфраструктурой и экономикой. Возможности, предоставляемые городами, привлекали значительное количество совершенно разнообразного населения, представляющего различные народы, конфессии, социальные слои, политические взгляды и культурные уровни. Существенная часть переселенцев оседала именно в городах, выступающими центрами экономического, административного и социально-культурного развития. Став зоной миграционного притяжения для коренных народов региона, для русского населения, ряда европейских, закавказских и ближневосточных этносов, северокавказский город способствовал появлению «новых общественных и экономических устоев, новационных идей и устремлений, формировал социально-сословную структуру и поликультурное пространство» [10, с. 94].

Социально-культурные характеристики городской среды определялись соотношением традиций и новаций, ее адаптивными и интеграционными способностями, возможностями для межэтнического взаимодействия и возникновения этноконтактных ситуаций, порождающих различные формы межэтнического взаимодействия и культурного диалога [11, с. 256].

Трансформация социокультурных связей в процессе формирования нового коммуникативного пространства затрагивала и межличностные отношения. Одним из знаковых явлений процесса укрепления «русского элемента» на Северном Кавказе стало появление межнациональных браков между русскими и горцами. Для северокавказской среды второй половины XIX – начала XX вв. такие браки были весьма нечастыми. Как правило, они заключались между представителями передовой российской и северокавказской интеллигенции, выступающей в качестве посредников межкультурного взаимодействия двух миров – горского и русского. В историю вошел не один десяток таких браков. Так, в архивных фондах сохранились многочисленные свидетельства об одном из них – брак Батырбека Туганова и Ольги Лерман.

Общественный деятель, революционер, писатель, драматург и переводчик, гласный Городской Владикавказской думы, занимавшийся бесплатной адвокатской практикой среди малоимущих сограждан, член различных общественных организаций, активно занимавшийся культурно-просветительской работой, Батырбек (Владимир) Асламбекович (Игнатъевич) Туганов (1866 – 1921) родился в семье прославленного генерал-майора русской армии, представителя осетинского привилегированного сословия дигорских баделят Асламбека (Игнатия) Туганова. Его женитьба на Ольге Захаровне Лерман состоялась в 1890 году. Выросшая в семье педагогов, девушка и сама, едва окончив гимназию, стала учительницей: давала уроки, преподавала в воскресной школе для рабочих, организованной известной в Осетии общественной деятельницей В.Г. Шредерс. Этот брак стал полной неожиданностью и был встречен в штыки родственниками с обеих сторон. Впоследствии, в своих воспоминаниях, дочь Батырбека и Ольги, Туганова В.В. писала: «...отцу пришлось туго, когда он собрался жениться. Мать невесты была очень религиозной и ни за что не согласилась бы на брак дочери без церковного обряда. Надо было венчаться в церкви, так как невеста была православной. Разрешение это было не так-то просто и получить: Батырбек никогда в жизни не исповедовался и не причащался, хоть и был крещен в детстве. Помог молодым людям священник Цаликов, лично обвенчавший его с Ольгой в Осетинской церкви» [12, л. 1]. Весть о его венчании встретила негодование со стороны родни. В воспоминаниях известного художника Осетии М. Туганова, являющегося родственником Батырбека было дано следующее объяснение такой негативной реакции на заключенный им союз: «Женитьба на русской, не дворянке,

мещанке, дигорскому баделяту, помещику, да еще Туганову была довольно смелым и рискованным шагом по тому времени: ...приехать и войти с русской женой в среду такой фамилии, как Тугановская, которая даже среди таких же феодалов, как она сама, считала себя первой из первых по крови и по имуществу. И вдруг какая-то русская мещанка сделалась женой Батырбека, сына генерала Туганова – известного Асламбека Туганова, игравшего не малую роль в личном конвое царя Николая I в 1840-х годах» [13, л. 1]. Заманив Батырбека в ловушку, родственники поместили его под домашний арест. Лишь благодаря помощи младшего брата, вовремя предоставившему быстрого коня, «пленнику» удалось бежать из-под стражи.

Тем не менее, союз Батырбека и Ольги прошел все испытания, доказав не только осознанность и не случайность сделанного выбора, но также духовную близость представителей двух разных культур. Ольга Захаровна, проявив должную стойкость и самообладание, смогла в короткие сроки овладеть разговорной осетинской речью, изучить обычаи и этикет, заслужив, тем самым уважение у сельчан. Расположение к ней окрепло и в связи с тем, что она стала обучать грамоте сельских девушек. Через некоторое время ее стали даже приводить в пример: «Смотрите, ведь вот она русская, а держится и исполняет обычаи лучше, чем мы сами: никого не обидит и со всеми обходится как родная». Батырбек Асламбекович, занявшись сельским хозяйством, начал пробовать просвещать жителей селения Дур-Дур, где он совместно со своим единомышленником открыл школу грамотности для взрослых. Затем он отправился во Владикавказ, где, активно сотрудничая с революционно настроенной молодежью и интеллигенцией, занялся общественно-политической работой, приступил к публикации в местной прессе рассказов из жизни земляков-дигорцев, перевел на родной язык «Коммунистический манифест» Маркса. Позже, переехав в Москву, Б. Туганов и О. Лерман продолжили расширять свои связи с революционно настроенными деятелями. Супруга оказывала Батырбеку всяческую поддержку и была верна ему до конца его дней, поощряя его революционную деятельность, помогала с выпуском агитационных материалов и устройством благотворительных вечеров для учащихся городских учебных заведений.

В условиях реализации политики внедрения на северокавказской окраине «русского элемента», распространения российского образа жизни, запуска пореформенных преобразований, формирования нового многосложного коммуникативного пространства, народы Северного Кавказа были вынуждены перестраиваться согласно «вызовам современности», что сделало неизбежным трансформацию их социально-культурных связей и выработку новых социально-культурных установок. Все большее проникновение и распространение в регионе русской культуры расширяло зону межнационального и межконфессионального контактирования местного населения с переселенцами, способствовало поиску мирных точек соприкосновения, налаживанию хозяйственно-бытового и социально-культурного взаимодействия, формированию общности взаимовыгодных интересов, интеграции Северного Кавказа в историко-культурное пространство России, все большего вживания горцев в статус подданных Российской империи.

Список литературы

1. *Служивый*. Очерки покорения Кавказа. С рисунками и картами. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. – 147 с.
2. *Долгушин А.А.* О переселении в Терскую область из внутренних губерний. Владикавказ, 1907. – 73 с.
3. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Государственная типография, 1907. - 164 с.

4. *Фадеев А.В.* Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // Ученые записки. Т. XVII. Серия историческая. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. С. 39 – 66.
5. *Русский вестник*. Т. 27. 1860, С. 366.
6. *Шнайдер В.Г.* Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. – М.: Союз, 2005. – 176 с.
7. *Миронов В.В.* Трансформация культуры: от диалога к монологу? // **Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения, 16-17 мая 2013 г.** – СПб.: СПбГУП, 2013. С. 136 – 138.
8. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. Дзагурова Г.А. Оп. 1. Д. 69.
9. *Матвеев В.А.* Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX вв.: монография / В.А. Матвеев; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. – 240 с.
10. *Туаева Б.В.* Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. – 426 с.
11. *Канукова З.В.* Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2008. – 288 с.
12. НА СОИГСИ Ф.7. Оп. 1. Д. 10.
13. НА СОИГСИ. Ф. 7. Оп. 1. Д.11.

References

1. Sluzhivij. *Ocherki pokorenija Kavkaza. S risunkami i kartami*. [Essays on the conquest of the Caucasus. With drawings and maps]. St. Petersburg: Printing house M.M. Stasyulevich, 1901. – 147 p. [in Russian]
2. Dolgushin A.A. *O pereselenii v Terskuju oblast' iz vnutrennih gubernij*. [About resettlement to the Terek region from internal provinces]. Vladikavkaz, 1907. – 73 p. [in Russian]
3. *Vsepoddannejšhaja zapiska po upravleniju Kavkazskim kraem general-ad'jutanta grafa Voroncova-Dashkova*. [The most comprehensive note on managing the Caucasus region is Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov]. State Printing House, 1907. - 164 p. [in Russian]
4. Fadeev A.V. *Osnovnye jetapy v razvitii russko-kavkazskih svjazej* [The main stages in the development of Russian-Caucasian relations] // *Uchenye zapiski* [Scientific notes]. Vol. XVII. *Serija istoričeskaja* [The historical series]. Nal'chik, 1960. Pp. 39 – 66. [in Russian]
5. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. Vol. 27. 1860. P. 366. [in Russian]
6. Shnajder V.G. *Rossija i Severnyj Kavkaz v dorevoljucionnyj period: osobennosti integracionnyh processov*. [Russia and the North Caucasus in the pre-revolutionary period: features of integration processes]. – Moskow: Union, 2005. – 176 p. [in Russian]
7. Mironov V.V. *Transformacija kul'tury: ot dialoga k monologu?* [Transformation of culture: from dialogue to monologue?] // *Dialog kul'tur: cennosti, smysly, kommunikacii: XIII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija, 16-17 maja 2013 g.* [Dialogue of cultures: values, meanings, communications: XIII International Likhachev Scientific Readings, May 16-17, 2013] – St. Petersburg: SPbGUP, 2013. Pp. 136 - 139. [in Russian]
8. *Nauchnyj arxiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnyh i social'nyh issledovanij (NA SOIGSI)* [Scientific archive of the North Ossetian Institute of humanitarian and social studies (SA NOIHSS)]. G. A. Dzagurov Fund. Inventory 1. Case. 69. [in Russian]
9. *Matveev V.A. Russkaja osedlost' na Kavkaze: osobennosti formirovanija vo vtoroj polovine XVIII – nachale XX vv.* [Russian settledness in the Caucasus: features of formation in the second

- half of the XVIII - beginning of XX centuries]. – Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House, 2018. – 240 p. [in Russian]
10. Tuaeva B.V. *Gorod i gorodskie soslovija Severnogo Kavkaza v uslovijah rossijskih preobrazovanij vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [City and urban estates of the North Caucasus under the conditions of Russian transformations of the second half of the XIX - early XX centuries]. Vladikavkaz, 2013. Pp. 94. – 426. [in Russian]
 11. Kanukova Z.V. *Staryj Vladikavkaz. Istoriko-jetnologicheskoe issledovanie.* [Old Vladikavkaz. Historical and ethnological research]. Vladikavkaz: RPD SOIGSI, 2008. Pp. 255. – 288. [in Russian]
 12. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Faund 7. Inventory 1. Case 10. [in Russian]
 13. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Faund 7. Inventory 1. Case 11. [in Russian]